

Олимпиадная работа
по литературе
ученицы 10 класса

МКОУ Добрянской СОШ
Шереховой Софьи Александровны

11.01.2004 г.р.

учитель: Коменда Л.В.

Шорохова С.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ,
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП, 10 КЛАСС

1. [30 баллов] ВРАЧИ и ПАЦИЕНТЫ

*Какое шизкое коварство
Подушкивога забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печальню подносить лекарство...*

А.С. Пушкин

Герои русской литературы XVIII–XIX вв. болеют и умирают от болезней.

А. Назовите 7–10 героев русской литературы XVIII–XIX вв., минимом или подлинном болеющих (возможно, умирающих от болезни). Укажите названия произведений, их авторов, а также значение болезни для развития сюжета или характера персонажа. По возможности укажите диагноз.

Б. Назовите также персонажей-врачей.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИИИ прозаический, ИИИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Наталья Петровна Кончаловская (1903–1988)

В КАБИНЕТЕ ХИРУРГА

В белой бязевой рубашке навыпуск и таких же штанах профессор напоминал полового в старинном русском трактире. Он сидел за массивным столом в кабинете, бледный, длинноносый, уставший после очередной операции, и что-то сосредоточенно записывал. Я дружила с ним, и иногда мне удавалось уговорить его поехать к нам на дачу, подышать свежим воздухом и пообедать в кругу друзей.

С этой целью я и зашла за ним в один из весенних дней в пять часов вечера.

Здравствуйте, милая моя. – Он поднял на меня глаза и, оживившись, указал на кресло возле стола: – Садитесь, пожалуйста, я скоро освобожусь.

Я забралась в кресло и украдкой начала разглядывать его характерное лицо с острыми, выразительными чертами, его угловатые плечи, обнажённые по локоть руки, сильные, нервные, его опущенные белёные ресницы, задумчиво моргавшие под большими стёклами очков. Было в этом суховатом лице нечто магнетически приковывающее ваше внимание, какой-то «сверхинтеллект» присутствовал в каждом его выражении. За лёгкой иронией, сквозившей в припухнувших веках и вежливой улыбке, всегда таилась живой темперамент, горела неутолимая жажда познания и совершенствования, и всё это

воплощалось в его подлинном, врождённом артистизме. Если бы он не был хирургом, был бы великим актёром. Своей значительностью и благородством лицо профессора напоминало какого-то старинного европейского вельможу. Такие лица можно встретить на холстах голландских мастеров – под чёрным беретом, над белоснежными брыжами, чёрный бархат, золотая цепь. А душа в нём была пылкая, вдохновенная душа русского артиста...

Дверь приоткрылась, и кто-то робко спросил:

– Можно?

– Можно. Кто это? – не отрываясь от рукописи, пробурчал профессор.

Худой человек в железнодорожной форме с брюзгливо опущенными углами рта вошёл и стал возле стола.

– Тебе чего? – Профессор вскинул глаза.

Болят, – мрачно прогудел посетитель.

– Что болит-то? – Профессор продолжал писать.

– Да вот семь лет назад, – перешептливо начал посетитель, – вы мне удалили желудок...

– Ну и что? – Профессор оторвался от рукописи и внимательно уставился на железнодорожника.

– Ну, вот теперь, как чуть больше покушаешь, поет... отзывно так.

– Скинь китель и заверни рубаху, – приказал профессор, и посетитель торопливо принялся раздеваться.

Когда обнажился худой, втянутый, пересечённый швом живот, пальцы профессора легли на желтоватую кожу. Пальцы эти, длинные, гибкие, как у пианиста, нажимали, вдавливались легко и упруго, прощупывали, поглаживали, словно выспрашивая, словно ведя таинственную беседу, прислушиваясь, выискивая, и подозревая, и снова успокаиваясь.

– Ну что же, брат, полный порядок у тебя в животе. Ничего не вижу опасного. – Профессор поправил очки и снизу вверх посмотрел на пациента строго, но весело.

– А почему же, к примеру, как чуть картошки больше возьмёшь, так ночью схватит... ух ты боже мой как! – громко жаловался железнодорожник, и в голосе его послышался горький упрёк.

– А тебе что, много надо ещё лопать? – вскинул брови профессор.

Железнодорожник стоял с поднятой рубахой и смотрел на профессора огорчённо и недоверчиво.

– Ты пойми, что тебе-то без желудка надо есть почаще и помалу. Пойми, что уже семь лет, как должен бы гнить в земле. – Голос профессора стал раздражённым. – А ты по земле разгуливаешь! Работашь, с женой, поди, пренираешься, ребят шлёпаешь, с приятелями выпиваешь... Ты же живёшь!

И вдруг, озлившись, профессор встал с кресла и крикнул: – Ведь живёшь! Да ещё хочешь, чтоб много можно было есть, всё тебе мало? Ох, ты! Каждый день должен бы спасибо говорить! А ты ещё обижаешься... Сукин ты сын, больше никто! – Он повернулся и зашагал по кабинету.

Железнодорожник быстро заправил рубаху, надел китель и со смущённой улыбкой подошёл к профессору:

– Извините, Сергей Сергеевич! Простите великодушно. Ваша правда. Простите меня, дурака. Вот ведь обжора! И то правда, что сушки сын я пенистый! И с каким-то отчаянием добавил: – Ну, не буду вас больше тревожить, извините, больше не буду! – Он вдруг обхватил сухие плечи профессора и поцеловал его в губы, потом тихо выскользнул из кабинета, приотворив дверь за собой.

А Сергей Сергеевич повернулся ко мне, всё ещё сидящей на прежнем месте, вежливо улыбнулся и, сказав: «Извините, я ненадолго оставлю вас!» – вышел в соседнюю комнату.

Через две минуты он появился свежий, элегантный, в светло-сером костюме.

– Я готов. Едемте! – И, улыбнувшись, Юдин широко распахнул передо мной дверь кабинета.

(Из книги «Волшебство и трудолюбие», 1989)

Вариант 2

Александр Петрович Межиров (1923–2009)

ВОСПОМИНИЕ О ПЕХОТЕ

Пути, которые посланы мной,

не возвращаются из полёта,

Очереди пулемёта

режут под корень траву.

Я сплю,

положив голову

на спявиецкие болота.

А ноги мои упираются

в Мадону и в Певу.

Я поднимаю веки,

лежу усталый и заспанный,

Слежу за костром неярким,

ловлю исчезающий зной

И, когда я

поворачиваюсь

с правого бока на спину,

Спявиецкие болота

хлываю под мной.

А когда я встаю
и делаю шаг в атаку, –
Ветер боя летит
и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой
второй
шаг.

И белый флаг
вывешивают
вражеские гарнизоны,
Складывают оружие,
в сторону отходя,
И на моё плечо
на погон полевой, зелёный
Падают первые капли,
майские капли дождя.

А я всё дальше иду,
мишуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря
и форсирую реки вброд,
Я на привале в Пильзене
пену сдуваю с пива,
Я пепел с пиларки стряхиваю
у Бранденбургских ворот.

А весна между тем кренчает,
и хрипнут походные рации,
И, по фронтовым дорогам
ленно и пощю пыля,
Я требую у противника
безоговорочной
капитуляции.
Чтобы его знамёна
бросить к ногам Кремля.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе 2020–2021 уч. г.
Муниципальный этап. 10 класс

Но, засыная в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то.
Смежив тяжёлые веки,
вижу, как наяву.
Я сплю,
положив под голову
синявинские болота.
А ноги мои упираются
в Ладугу и в Неву.
(1954)

Максимальное количество баллов за все выполненные задания – 70.

Задача 1.

- 1) Д.С. Лурье "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 2) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 3) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 4) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 5) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 6) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 7) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 8) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 9) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 10) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900
- 11) М.С. Бодарь "Виза и дети" - Бузуурь - пер. Дем. до про. 1900

Задача 2

Текст. Византизм как анализ, представляет собой анализ по имени "Византизм и Иудейство" Натаном Петровичем Келлером. Это книга о том, что является в истории культуры. Впервые написан в виде рецензии в журнале "Византизм и Иудейство". Названия книги на самом деле "Византизм и Иудейство". Книга написана в стиле рецензии. Впервые опубликована в журнале "Византизм и Иудейство".

Для содания рецензии в первой рецензии на книгу Келлера. В записке о книге Келлерская рецензия записана в журнале "Византизм и Иудейство", что-то рецензия записана и в журнале "Византизм и Иудейство".

Книга в журнале записана в журнале "Византизм и Иудейство". Авторская рецензия. Книга написана в журнале "Византизм и Иудейство". Книга написана в журнале "Византизм и Иудейство".

этот континентализм, когда брат Николай ходит по ко-
 леечке в конце коридора на благодарное настроение,
 и когда он идет мимо картинной галереи, а он еще вразумит
 и говорит на то, что сам чуть не пересадит, то пересадит
 по своему вкусу. В разное время входит в соседний зал
 и там, изредка, в светлой серой комнате или в комнате с красной
 стеной, посидит на уступе и поговорит.

В разное время входит в соседний зал, в котором, в 4-й
 в комнате, составляется группа картин и картин, пересадит
 в разное время, в разное время, в разное время и т.д.

100.

- 100.
- 100.
- 50.
- 50.
- 50.

530.